

КОНСТАНТИН МИШИН

ЛАБИРИНТ

ДЕТИ ТИШИНЫ

18+

В МИРЕ, ГДЕ ПРАВЯТ МОЛЧАНИЕ И СТРАХ,
ИХ ОРУЖИЕ – НАДЕЖДА.

Константин Мишин

Лабиринт. Дети тишины

<https://litres.ru/73895524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Желая кардинально изменить свою жизнь, герои откликаются на приглашение принять участие в «Лабиринте», игре без правил, где ставка — сама жизнь. Здесь не слышно чужих шагов — здесь только тишина. «Лабиринт» — игра, где каждый шаг отдаёт холодом в спину, а шёпот стен сводит с ума. Ты слышишь только себя. И пустоту, которая дышит в затылок.

Константин Мишин

Лабиринт. Дети тишины

В начале XXII века климат словно сошел с ума. Южное полушарие выгорело под палящим солнцем — дождей там не было годами. Почти всю Северную Америку и половину Европы затопило, а северные земли сковало льдом. И тогда люди двинулись с места — началась Великая миграция.

Народу было много, а земли, где можно выжить, — кот наплакал. И грянула самая кровавая бойня в новой истории — Третья мировая. Борьба не за идеи, а за жизнь. Восемь лет земля пила кровь убитых и замученных. Кое-где хотели рвануть ядерными боеголовками, и только чудо — необъяснимое, дурацкое чудо — остановило их. Когда силы кончились у всех, Координационный Совет, новый орган власти, придумал, как жить дальше. Так родилось одно государство — Тихая Гавань. Туда сошлись представители всех наций и поклялись больше не резать друг друга.

Сегодня Тихая Гавань раскинулась от бывшей Германии до Уральских гор и от юга Скандинавии до того места, где когда-то была Болгария. Внутри — пять земель: Озерный край на западе, Северная земля, Восточный край, Центральный регион и Южный край.

Двадцать лет после войны ушло на то, чтобы человечество смогло встать с колен. Люди жили в жуткой нищете, но

вкалывали за двоих — строили новый мир. Иногда вспыхивали стычки, но полиция с армией давили их железной рукой. Шаг за шагом люди учились жить мирно. Города снова росли, технологии ожили. Главной силой стало солнце: на брошенном, выжженном юге построили электростанции — энергии хватало с избытком. А к середине XXIV века сбылась мечта фантастов прошлого — в небо поднялись летающие машины.

Но, как водится, не всем блага цивилизации оказались по карману. Общество снова расслоилось. Бедняки не голодали — на хлеб и одежду хватало, но и только. По-настоящему ценилась в нем лишь жизнь богатых...

Глава 1

Татьяна

Я не знала своих родителей. Все, что от них осталось — крошечный серебряный ключик на цепочке. Я никогда его не снимала, даже спала с ним. Часто я фантазировал о том, кем они могли бы быть. Иногда в своих фантазиях я представляла их преступниками, которые оставили меня, чтобы спасти, иногда — богачами, потратившими все свое состояние и чья жизнь трагически оборвалась.

Все детство я провела в приюте. Он стоял в ста пятидесяти километрах от Новой Москвы, но в самой столице мы ни разу не были. «Там одни богатые и знаменитые, — твердили

няньки. — Что нам, простым смертным, там делать?» Горюнок, где стоял приют, был довольно крупным, но жили в нем в основном бедняки. Внутри всегда — холод и сырость, даже в жару. Дети хватали пневмонию, чахотку и быстро угасали. Врач у нас был, но денег на лекарства почти не водилось, да и лечить нас никто по-настоящему не хотел.

Помню, когда мне стукнуло пять, заболел мой друг — мальчик Вова. Он провалялся больше месяца, часто лежал без сознания, а на последней неделе закашлял кровью. Я часто сидела рядом с ним, и в те минуты, когда он приходил в себя, он даже пытался шутить. Попрощаться я не успела: когда я пришла в его палату в последний раз, его тело уже уносили. После этого я долго редела. Но именно тогда я решила — я выживу любой ценой.

Большинство детей из приюта ждала только одна дорога — в увеселительные заведения. Сирот не спрашивали. Нас распределяли по «рабочим местам» даже без права выбора. Из таких, как я, делали девчонок из древнейшей профессии, цирковых уродов, ручных зверьков для богатых. Очень редко кому-то везло найти нормальную работу. Самых крепких, правда, отбирали на шахты или заводы, но таких было раз-два и обчелся. Девочки и мальчики были ходовым товаром. Вот почему с нами никто не церемонился. За все годы в приюте я не услышала от воспитателей ни одного доброго слова. Да и кому нас жалеть? За нами приглядывали злые, замученные жизнью няньки, в основном чернокожие. Все их

чувства — подзатыльник, пинок или грубое словцо. Теперь я понимаю: они просто боялись привязываться. Знали, что нас ждет, и пытались закалить. Я даже благодарна им. Именно отчасти благодаря им я научилась держать удар. Если бы меня с детства не приучали выживать в аду (а детство мое было именно адом), я бы и дня не прожила в Лабиринте. Но об этом позже.

Беда была не только в няньках. Сверстники вечно смеялись надо мной, ведь я была самой мелкой и невзрачной среди детей. А две гадины вообще регулярно меня лупили. Месяцами я терпела травлю и побои, но однажды чаша переполнилась. Когда эти две подружки особенно достали меня своими издевками, я взбесилась и набросилась на главную обидчицу — отлупила ее как следует и здорово прокусила ей щеку. За это меня на месяц засадили в карцер. Зато после этого все стали меня бояться. Никто больше не смел лезть. Мои главные враги, когда я проходила мимо, теперь смотрели на меня со страхом. Я могла бы начать их терроризировать в отместку, но не стала.

Мы часто недоедали, так что приходилось воровать деньги у случайных прохожих, в магазинах еду. Проще всего было воровать на вокзале — там всегда было много куда-то спешащих людей. Несколько раз меня и других детей за это ловили полицейские и тащили в участок, а потом разъяренные няньки выбивали из нас дух. Арестовать нас не могли — детей наказывали только с двенадцати лет.

Когда мне исполнилось шестнадцать, пришла пора прощаться с приютом. Меня ждало распределение, а после него — верная дорога в какой-нибудь «Дом забав мадам Ви». Но мне несказанно повезло — в приют приехала богатая пара в поисках служанки и по какой-то причине выбрали меня. Что заставило богачей искать прислугу среди отбросов общества — ума не приложу, но судьба сделала мне щедрый подарок.

Я забрала свои жалкие пожитки и уехала. За мной прикатил красивый черный автомобиль с личным водителем. Когда мы стали подъезжать к Москве, у меня перехватило дыхание от вида небоскребов. Как замороженная, я смотрела в окно на улицы, полные спешащих, смеющихся, живущих полной жизнью людей — они выходили из кафе и магазинов, переговаривались, смеялись...

Моих новых хозяев звали Андре и Мелисса Болен. Не думаю, что это настоящая фамилия — скорее, они просто взяли себе пафосную, как тогда было модно. Андре оказался толстым мужиком с несколькими подбородками. Мелисса — обтянутом кожей скелетом в дорогой одежде. Андре занимал какой-то важный пост в Правительстве, но я так и не поняла, какой именно. Мелисса же целыми днями ничего не делала. Вернее, она делала вид, что занята: строчила жутко скучные мемуары (я пыталась читать — не осилила и десяти страниц), которые издатели печатали со страху перед ее мужем, таскалась по магазинам и дорогим ресторанам с такими же бездельницами, как она сама. Короче, она мастерски

тратила деньги мужа.

Жили они в самом престижном районе Новой Москвы — в шикарном особняке, похожем на замок. Вокруг — прекрасный сад, а в саду даже лабиринт из кустов, где подвыпившие гости любили играть в догонялки. Сам особняк поражал не только размерами, но и убранством: лучшие картины, люстры, мебель от лучших мастеров на заказ.

Кроме меня, хозяевам прислуживало еще человек пятьдесят: горничные, лакеи, садовники, повара, конюхи, водители. Все мы жили в отдельном домике — тоже немаленьком — и там было все, что нужно человеку. А главное, там были отопление и горячая вода. Я наконец-то приняла ванну. До этого я никогда по-настоящему не мылась. Это было блаженство.

Подружилась я только с садовником Ласло и поварихой Розалией — пухлой, розовощекой добрячкой. Розалия сразу взяла меня под крыло, помогала освоиться, все время подкармливала. Она стала первым человеком, который отнесся ко мне по-настоящему тепло и без фальши.

Хозяева же смотрели на меня как на мебель. Я даже не уверена, запомнили ли они мое имя. В основном я прислуживала на банкетах, которые господа Болен закатывали чуть ли не каждую неделю. Я разносила пьяным гостям выпивку, убирала за ними мусор, подавала одежду и терпела пошлые шуточки. Большинство из них меня даже не замечали, но однажды один гость попытался меня изнасиловать, но он был

так пьян, что я просто сбежала. После этого меня накрыла истерика, и Розалия отпаивала меня хозяйским коньяком.

— А если они узнают? — спросила я.

— Детка, они и не заметят, — усмехнулась она. — Ты видела их погреба? Там бутылок на сто лет вперед. Да и где они найдут такого мастера, как я?

С Розалией трудно было спорить. Готовила она божественно, хозяева были от нее без ума. Так что, решила я, ничего страшного в том, чтобы позаимствовать одну бутылочку, нет. Они и не заметят, что у них чего-то не хватает.

Конечно, она рисковала. В нашем мире почти не было тюрем — туда сажали только за самые мелкие кражи. Но если человек без роду и племени воровал у богатых, его ждала куда более страшная участь. Несколько раз в год по телевизору показывали шоу, где преступники сражались за жизнь. Гладиаторские бои — выживает только один. «Колесо фортуны» — крутишь рулетку, а там какие-нибудь мерзкие способы умереть, и лишь одно-два поля сулили свободу. Если везло — отпускали. Интеллектуальные игры: проиграл — тебя убивают. А иногда из преступников делали жутких живых экспонатов на выставках, и толпы зевак ходили на них глазеть. Система работала практически безотказно — страх оказаться на арене держал большинство людей в страхе.

Богатые, правда, покупали себе иммунитет. Их деньги всегда спасали. Но они любили азарт — делали ставки, гадали, выживет участник или нет. Тратили огромные суммы

просто ради острых ощущений.

Никто уже точно не помнил, откуда пошли эти передачи. Может, какой-то умник начитался старых книг. Может, телеканалы теряли зрителей и придумали кровавое безумие ради рейтингов. А может, еще что-то. Журналисты иногда копались в этом, но в современном мире история никому не нужна — лишь бы было чем себя развлечь. Факт оставался фактом: смертельные шоу были и остаются самыми популярными программами.

Но, как ни крути, моя жизнь в доме Болен стала в сто раз лучше, чем раньше. У меня была крыша над головой, еда, одежда. Мне платили жалованье — пусть грошовое, но платили. Я не мерзла, не голодала. Нашла верных друзей.

Так прошел год. Серый, однообразный. Рутинная засосала меня с головой — я работала без выходных, отдыхать было почти некогда. Но мне хотелось большего.

Хотелось не просто жить, а наслаждаться жизнью. Быть как мои хозяева. И однажды я увидела рекламу шоу «Лабиринт».

Ингвар

Семья наша жила в маленькой деревне на самом севере Тихой Гавани. Там почти всегда царил холод, и люди из больших городов туда не заглядывали. Край Земли — так называлось наше село.

Мужчины добывали пропитание охотой, рыбалкой или рубкой леса. Дрова шли на продажу в места побогаче и поци-

визированнее моего дома. Государство нам не помогало — мы существовали сами по себе. Раз в месяц торговцы прилетали к нам на вертолетах, и мы меняли свой товар на то, в чем нуждались.

Мой отец был охотником. И его отец тоже. С самого детства дед и отец учили меня ремеслу: выслеживать дичь, ставить ловушки, метко стрелять. С пяти лет я ходил с ними — правда, поначалу только на мелкую живность, зайцев да песцов. Мужчины нашей семьи много лет считались лучшими охотниками. Мы одни во всей деревне не боялись преследовать самых опасных хищников. Кости и мех таких зверей дорого ценились на рынке. Эти твари — боюсь даже думать, что они не были обычными животными; скорее мутантами, порожденными тем давним переворотом климата — обитали в глухих чащобах, куда никто не осмеливался совать нос.

У нас было железное правило: в чащобу — только с напарником, а лучше с двумя. Смельчаки, рисковавшие уйти без пары, имели все шансы не вернуться.

У отца был лучший друг — Эдмонд. Они вдвоем охотились на хищников и почти никогда не возвращались с пустыми руками. Рискованное это занятие. Иной раз отец приходил домой с рваными ранами от зубов и когтей. Однажды, когда мне исполнилось пятнадцать, он вернулся весь в крови — тварь пропоролла ему плечо, оставив глубокие борозды. Удивительно, как он вообще выбрался из леса и дошел до дома — столько крови потерял по дороге. И та боль, навер-

ное, была невыносимой.

Эдмонду повезло меньше. Он не вернулся.

Мать и сестры больше месяца выхаживали отца. Сколько мы ни расспрашивали про тот день, он всегда хмурился и уходил от ответа. Боюсь даже представить, на что они могли нарваться в тех лесах.

Раны зажили, но рука потеряла прежнюю подвижность. Отец больше не мог охотиться.

А охота была единственным занятием, которое приносило доход не только нашей семье, но и всей деревне. На вырученные деньги мы закупали провизию и лекарства в большом мире. Потеря каждого охотника, а их среди нас было и так немного, была по хозяйству больно. А уж потеря такого профессионала, как отец — особенно. Рыбалка и прочие промыслы не давали и десятой доли той прибыли. Рыбой семью прокормить можно, но выгодно продать ее на рынке и получить что-то действительно ценное — нет.

И тогда я понял: пришло мое время. Я должен сменить отца.

Мать, и ее можно понять, была против. Умоляла подождать еще хоть год, пока я не подрасту. Я видел по ее глазам — она понимает, что так надо, но сердце не выносило даже мысли о том, что я могу не вернуться. После долгих уговоров отец все же помог мне убедить ее. Она согласилась отпустить меня в лес, но только в компании взрослых охотников. И взяла с меня слово, что я не буду уходить глубоко в

чащу — первое время буду охотиться вблизи от деревни, где нет крупных хищников и жизнь человека в относительной безопасности.

Я поклялся. И никогда не нарушал эту клятву. Не позволял себе забираться в глухую чащобу, ограничиваясь охотой на оленей и зверя помельче.

Раз в месяц к нам приезжали люди из центральной части Тихой Гавани. Забирали шкуры, а иногда и живых зверей, оставляя взамен другие товары. Торговцы те были еще жуликами — вечно пытались обмануть, сбить цену: «Нынче, мол, мех не в моде, людям подавай что-то необычное».

— Вот, например, — сказал однажды один из них, по имени Фридрих, — люди хотят живых хищников. Лютых. Если бы вы сумели поймать хотя бы одного такого — живьем, — я бы отдал вам многое. Частные коллекционеры платят бешеные деньги за такого зверя. Мало кто видел этих монстров не в зоопарке. Ваша деревня больше бы ни в чем не нуждалась. Может быть, поимка живого хищника могла бы стать новой страницей в истории вашей дыры. Я мог бы и сам нанять солдат в броне с отличным оружием, но вы даже не представляете, сколько это стоит. Я вернусь через месяц. И тогда судьба вашей деревни может перемениться раз и навсегда.

Эта мысль впиалась мне в голову, как заноза. Желания разбогатеть, добыть ценного товару — они едва не затмили мне рассудок. Тем более Фридрих был самым богатым из торговцев. За живого зверя он мог дать настоящее состояние.

Но я был человек слова. Я не мог нарушить обещание, данное матери.

Другие мужчины восприняли предложение купца с радостью. Собрали деревенский Совет. Отец, будучи членом Совета, само собой, пошел. А на этот раз взял и меня.

На Совете собрались все взрослые мужчины деревни. Я был самым младшим. Председатель, самый старый человек в наших краях — ему несколько недель назад исполнилось сто два года — молча сидел в своем кресле, покуривая трубку, и ждал, когда все соберутся. Он был стар, но еще бодр и телом, и духом. Из уважения к нему народ сошелся быстро. Расселись полукругом вокруг его кресла.

Старейшина поднял руки. Все смолкли. И он неторопливо начал вступительную речь:

— Друзья мои, сегодня мы собрались неспроста. Все знаем, почему. Один купец пообещал нам богатство в обмен на живого лютного зверя. Но спросите себя — доверяете ли вы его слову? Вспомните, сколько раз он и ему подобные нас обманывали. Так верить ли ему сейчас? И если вы согласитесь отправиться на поимку, подумайте — скольких жизней это будет стоить?

Он сделал паузу. В зале стояла полная тишина. Все в упор смотрели на Старейшину.

— Сегодня среди нас есть тот, кто убил ни одного лютня на своем веку. И мы говорим ему за это спасибо. Бьорн, сын мой, — он указал пальцем на отца, — подойди ко мне. Рас-

скажи всем то, что ты поведал только мне, когда чуть не лишился жизни в чащобах.

Отец медленно встал и, опираясь на палку, подошел к старейшине. В тот день он еще и ногу сильно повредил — наш лекарь сказал, что та уже не восстановится. Все перевели взгляд на отца. В глазах у многих светилось любопытство — ведь каждому было интересно, что же тогда случилось с отцом и Эдмондом.

— Мы с Эдмондом углубились в самую чащу, — начал отец. — Зашли дальше, чем когда-либо. Страшное то место. Там птицы не поют. Воздух такой густой, что слова в нем тонут — говоришь, а человек рядом едва слышит. Встали на привал. Я пошел за дровами, Эдмонд остался в лагере стеречь снаряжение. Но знаете, я привык доверять своим инстинктам. И когда отошел совсем недалеко, вдруг почувал опасность. Подбежал к лагерю — вижу, Эдмонд стоит, встревоженный, к чему-то прислушивается.

— Что там? — спрашиваю.

— Тихо, — отвечает. — Здесь что-то есть.

А дальше я плохо помню. Отвернулся от него лишь на миг. Услышал приглушенный крик. Обернулся — рядом никого. Что-то забрало Эдмонда. И тогда я побежал. Побросал все вещи и побежал как трус. Но мне хотелось жить. Ради семьи. Слышал, как кто-то гонится за мной следом. А потом — дикая боль в плече. Очнулся уже дома, в своей постели... В лесу появилось нечто страшное. Куда страшнее обычных

лютней.

В зале повисло молчание. Никто не мог вымолвить ни слова. Я был в шоке.

Тишину нарушил Рубила.

— Так давайте поймаем эту тварь! — крикнул он. — Отомстим за Эдмонда! Денег-то сколько сможем за нее получить!

— Да! — подхватили со всех сторон. — Правильно!

— Стойте, — попытался образумить их Старейшина, — неужели вы не понимаете? Не стоит тревожить зло, которое живет в лесу.

— Добудем эту тварь! — заорал еще кто-то. Радостный гул поддержал его.

Алчность и жажда наживы затмили умы членов Совета. Никто не думал об опасности, о которой говорил Старейшина. Отец стоял рядом, глядя на мужчин нашей деревни с полным отчаянием. Они будто с ума сошли. Даже я понимал — эта затея принесет только смерть. Неужели никто, кроме Старейшины и отца, этого не видел?

Старейшина стукнул посохом.

— Мы не будем ловить эту тварь, — сказал он твердо. — Слишком опасно. Последний раз, когда мы поймали живого лютозверя — это было лет пятнадцать назад, — доставили его в деревню, заперли в клетке. А ночью он выбрался и перебил много народу. Это не обычные звери. Это мутанты. Наши клетки их не держат. А то создание, что в лесу, —

в разы сильнее обычных лютней. Вы не посмеете рисковать жизнями и благополучием своих семей ради пустых обещаний торгаша.

После небольшой он продолжи:

— Сейчас я объявлю голосование. Прежде чем голосовать — подумайте, сколько неизвестных тварей обитает в тех лесах. Не забывайте, профессиональных охотников на лютней среди нас совсем мало. Даже если вы сумеете поймать одного — кто знает, удержит ли его клетка и что случится, если он вырвется на свободу?

— Голосуйте, — закончил он.

К счастью, шестнадцать из тридцати членов Совета проголосовали против поимки.

Весь месяц до прилета купцов я думал о своем будущем, о благополучии семьи. И решил: может, у торговцев найдется для меня работа, кто позволит мне обеспечить близких.

Торговец с сожалением посмотрел на нас, когда мы подошли обменивать древесину и шкуры.

— Так и знал, никчемные вы охотники, — сказал он.

Я подошел к нему вплотную.

— Простите, — сказал я, — нет ли у вас для меня работы? Я сделаю все, что прикажете. Даже за самую малую плату.

Фридрих окинул меня надменным взглядом.

— Мальчик, посмотри вокруг. — Он обвел рукой вертолеты, вокруг которых суетились люди. — У меня куча помощников. Мне нет смысла нанимать еще одного.

— Но мне очень нужна работа!

— Брось, я уже сказал — работы для тебя нет.

Во мне вскипело отчаяние.

— Я готов на все! — крикнул я, глядя ему прямо в глаза.

Он замер на секунду. И посмотрел на меня так, что у меня внутри все похолодело. В его взгляде что-то зажглось.

— Ах ты ж настырный какой, — протянул он. И лукаво усмехнулся. — Что ж, есть у меня для тебя отличное деловое предложение.

— Какое? — спросил я с опаской.

— Поехали со мной в Новую Москву. Все, что от тебя потребуется — принять участие в телеигре. Всего-навсего найти выход из лабиринта. Скажу по секрету: продюсеры шоу — мои друзья. Я могу поговорить с ними, чтобы они помогли тебе пройти. Если пройдешь лабиринт — выиграешь десять миллионов орелов.

— А если нет? — спросил я, хотя и так знал ответ.

— Не думай об этом. У тебя есть время до завтрашнего утра. Опоздаешь к моему отлету — упустишь шанс всей жизни стать героем для деревни. Принести достаток в свою семью. Улетаем мы в пять утра.

— А вам-то что с того? — как бы невзначай спросил я. Я слишком хорошо знал жуликоватый нрав Фридриха.

Он коротко хохотнул.

— О, а ты смысленный. Моя выгода, конечно, в деньгах. Поделим твой приз. Скажем, мне тридцать процентов. Семь

миллионов — это куча денег. Подумай хорошенько.

И он махнул мне рукой — мол, проваливай. В следующую секунду он уже орал на помощника, который уронил коробку с товаром.

Я отходил от него в полной растерянности, не зная, что делать.

Виктор

Моросил мелкий, надоедливый дождь. Погода была точно под стать моему настроению.

Сегодня я прощался с любимой девушкой, которая навсегда покинула этот мир. Мы прожили вместе семь лет. Пять из них — как в чудесной сказке. Но два года назад у Ариадны нашли рак мозга. Она боролась два года. Вся трагедия в том, что лекарство от рака изобрели еще несколько веков назад — детям делают прививку прямо при рождении. Но иногда оно не срабатывает. В таких случаях рак лечат, но из-за особенностей организма Ари лекарства оказались бесполезны.

Я был рядом до самого конца. Долго готовил себя к тому, что скоро ее не станет, но когда это случилось, понял, что готов не был ни капли.

Она умерла на больничной койке. Я не плакал. Внутри была пустота, но глаза оставались сухими. Я смотрел на лицо Ари. Казалось, что в смерти она наконец обрела покой — столько всего перенесла на своем пути.

А сегодня я стоял у края могилы, в которую только что опустили гроб. Я бросил первую горсть земли.

Проститься пришло много народу — родственники, друзья, коллеги. Все подходили ко мне и к родителям Ари с соболезнованиями. Родителям было в тысячу раз тяжелее, чем мне. Мы долго не говорили им, что Ари умирает, — не хотели тревожить раньше времени. Они узнали, что дочь обречена, всего полгода назад. Шок был страшный. Сейчас и мать, и отец еле держались на ногах, словно разом постарев на десяток лет. Смерть любимой дочери подкосила их. Я пытался поддерживать, но моей помощи было мало. Мы все слишком любили ее, чтобы смириться.

С того дня время перестало для меня существовать. Каждое утро было испытанием. Я чувствовал себя живым только во сне — там Ари была рядом, здоровая, веселая, и ничто не напоминало о болезни.

Не заметил, как пролетел месяц после похорон. Жизнь катилась под откос. Апатия накрыла меня с головой — как разбушевавшийся океан захлестывает одинокую лодку. Я ушел в работу с головой, по пятнадцать часов в сутки. В свободное время много курил и пил, но алкоголь не приносил облегчения. Я спивался.

Одной из ночей, когда я как всегда думал о своей девушке, мне в голову пришел чудесный стих, который я тут же записал на первом попавшемся клочке бумаги.

Не показывал никому — даже родителям Ари. Написал для себя. В этих строках было все, чем она была для всех нас. Завял бутон, ушла во тьму

С печалью на лице

Та, чью ценили доброту

И так гордились ей.

Дитя любви сгорела в миг,

Невинна и юна.

И ангелы, смотря с небес,

Поют о ней, грустя.

Отец закапывает гроб,

Мать плачет у ручья.

«Еще мы встретимся с тобой,

Любимая моя».

Душа восстала из могилы,

Вернулась в дом родной,

Но только тишина ее

Встречала у ворот.

Та тишина, столь милый друг,

Что стала ей родной

За все те годы,

Что одна лежала под землей.

Та, что сияла и всегда

Была светла как день,

Сегодня прошлого фантом,

Былого счастья тень.

Пуста обитель в темноте,

Камин давно остыл,

И горечь правды сбила с ног:

Все сожжены мосты.

Ни в мире мертвых, ни живых

Нигде ей места нет:

Не упокоилась душа

За столько долгих лет.

Я часто перечитывал эти строки и плакал. Никак не мог взять себя в руки.

Первое время друзья меня навещали. Но я замкнулся, и постепенно звонки становились все реже. В конце концов рядом остался только один верный друг. Я не винил остальных — прекрасно понимал, что виноват сам.

Оставшийся друг пытался до меня достучаться. Сердцем я понимал — он прав. Но пересилить себя не мог. Я был слишком сломлен и слаб духом, чтобы что-то менять.

Я часто вспоминал те дни, когда мы с Ари были счастливы вдвоем. Чудесные дни, проведенные вместе.

Помню, как однажды нам в голову пришла безумная мысль — съездить в дикие земли, посмотреть на южные моря. Никто там никогда не был. Люди говорили, что там жили злобные гигантские твари, убивавшее живое на своем пути. Но мы не верили в эти сказки — думали, правительство их выдумывало, чтобы ограничить свободу людей. Но так мы

никуда и не съездили. Из-за Ариной болезни.

С работы меня в скором времени уволили.

И это стало последней каплей — я решил умереть.

Я никому этого не сказал. Да и говорить было некому.

Глубокой ночью я подошел к краю моста на окраине города. Посмотрел вниз — метров тридцать до земли. Машин под мостом мало, вряд ли упаду на одну из них. Людей не было.

Когда я уже был готов прыгнуть, внезапно меня накрыл жуткий страх смерти. А готов ли я прыгнуть? Может, не надо? Может, вернуться домой и начать все заново? Найти работу, позвонить старым приятелям?

Нет. Все решено.

Ари, я иду к тебе.

Я закрыл глаза и уже собрался шагнуть в пустоту, как вдруг налетел ветер. С одним из порывов мне на лицо прилетел газетный разворот, с рекламой на целый лист. Увидев рекламу, я передумал умирать сейчас.

Реклама предлагала кое-что поинтереснее. Я мог умереть — правда, в объявлении об этом ни слова не говорилось, но разве на телешоу не расплачиваются жизнью за проигрыш? — а мог разбогатеть. Сразу на десять миллионов.

Может, это мой шанс? Все изменить и начать новую жизнь?

Я решил пойти на кастинг.

Саная

— Пожалуйста, отпустите меня! — сквозь слезы умоляла я своего мучителя. Он лишь злобно усмехнулся.

— Детка, я заплатил за пять часов. Сама знаешь, что это значит.

— Прошу... — сердце колотилось так, что я едва могла говорить. — Пожалуйста, остановитесь.

Он улыбнулся. В глазах — одна злоба.

— Ты не в том положении, чтобы просить. Я заплатил за тебя, и ты отработаешь каждый ореол, который я потратил.

Он подошел ко мне. Я была привязана за руки и ноги к кровати. В руках он держал плетку с мелкими шипами на концах. Я закричала. За что мне достался этот извращенец? В наш бордель часто приходили садисты, но обычно они ограничивались легким насилием — что, признаться, иногда даже нравилось. Но сегодня был особый случай.

Сначала я решила, что этот скромный невысокий человек в очках и пиджаке — безобидный офисный клерк. Я и представить не могла, в какого монстра он превратится, когда мы останемся одни.

Четыре часа он истязал меня. Больно бил, плевал мне на лицо, резал ноги, руки. Ему это явно доставляло огромное удовольствие. Несколько раз он прижигал о мой живот бычки от сигарет.

— Прошу вас, прекратите. Я не возьму с вас денег. Только отпустите!

— Деньги? — он удивился. — О нет. За такое удоволь-

ствие и заплатить не жалко. Обожаю, когда люди умоляют меня их не мучить. Если бы ты знала, как мне это нравится. Но это лишь разжигает мой, так сказать, аппетит.

Меня накрыло отчаяние. Господи, пожалуйста, не дай этому уроду убить меня сегодня. Дай мне шанс.

— Получай, дрянь, — он замахнулся плеткой и ударил меня по животу. Шипы впились в кожу с левой стороны. Боль была дикой.

— Нравится? Вижу, что нет. Но ничего, потерпи. Давай-ка еще разок? Ты ведь не против? Хотя что это я спрашиваю!

Он снова замахнулся и ударил. Новая волна боли пронзила тело, заставив меня изогнуться. Я закричала пронзительно, надрывно. Веревки крепко держали меня, не давая вырваться и убежать. Я только извивалась под каждым новым ударом.

Он дико захохотал. Я попыталась посмотреть на его лицо, но из-за боли сознание мутилось, перед глазами все плыло. Я видела только широко открытый рот с белыми зубами. Он напоминал злобного клоуна — не того, кто радуется людям, а того, кто наслаждается их муками.

— Ах, какое у тебя прекрасное тело. А эти царапинки от моей плеточки... Добавим-ка симметрии на твоём чудесном животике.

Он обошел кровать. Время словно исказилось — он двигался будто в замедленной съемке. По щеке стекала капля пота, в узких серых глазах горел дьявольский огонек.

Скорее бы это кончилось. Я больше так не могу.

На этот раз удары пришлись на правую сторону. Ровно два.

— Вот теперь пусть и не идеальная симметрия, но близка к идеалу.

— Сволочь! — выкрикнула я.

Он ударил меня по щеке.

— Молчи. Ты сейчас всего лишь моя вещь. А хозяин со своими вещами может делать все, что душе угодно.

Он отшвырнул плетку в сторону. Я чуть успокоилась, но рано — он подошел к чемодану, где лежали все его орудия для пыток. Покопался внутри, достал что-то и с довольной ухмылкой посмотрел на меня. Закрыв чемодан и спрятав руки за спину, он приблизился. Что у него там?

Засмеявшись, он склонился надо мной, приблизив лицо вплотную — я почувствовала мерзкий запах его дыхания. Ухмыляясь, он показал мне новое орудие. Я закричала. В руке он держал огромный и, судя по всему, острый нож.

О нет. Только не опять.

Медленно, наслаждаясь каждой секундой моих страданий, он провел холодной сталью по моей груди. От отвращения и ужаса я задержала дыхание. Он словно почувствовал это — и словно наказывая меня за мои же страдания, вонзил нож мне в живот. Я закричала от дикой боли. Потом он залез на меня. Остальное заняло недолго.

После его ухода я кое-как вышла в коридор, кровь текла

из глубокой раны. От боли я едва стояла на ногах, находясь на грани обморока. Постучала в соседнюю дверь, где обычно работала моя подруга Лена. Сейчас, к счастью, она была одна.

Ноги подкосились. Как только Лена открыла дверь, я обессиленно рухнула, забрызгав пол и стены кровью.

— Боже, что он с тобой сделал? — ахнула она. — Ох, Саяна...

Она подвела меня к кровати.

— Лежи, — она уложила меня. — Я сейчас, за помощью.

Она выбежала в коридор. Я уже ничего не видела — провалилась в глубокий обморок.

Меня вылечили за день. Спасибо современной медицине. Марк, владелец нашего заведения, не хотел терять деньги, которые мог на мне заработать.

Три года я уже работала в его борделе в самом центре Риверфола — одного из крупнейших городов нашего государства. Это была единственная возможность прокормить себя. Но после последнего клиента меня словно переключило. Знаете, как бывает: долго-долго терпишь, а потом в один момент что-то внутри ломается, и то, с чем раньше мирилась, становится невыносимым.

По ночам, если вообще удавалось заснуть, мне снился человек в офисном костюме с лицом того клиента. Каждый раз кошмар завершался тем, что хохочущий монстр вонзал в меня огромный нож. Я просыпалась в слезах. Дошло до того,

что я не могла принимать посетителей — каждый раз мне казалось, что пришел очередной садист. Хозяин был крайне недоволен. Он дал мне неделю, чтобы прийти в себя. Сказал: не справишься — выгоню на улицу.

И вот я шла по улицам Риверфола и думала, что делать. Через неделю я останусь без работы и средств. Куда идти? Кто возьмет меня на работу с таким прошлым?

Вокруг проходили беззаботные люди, бегали веселые дети. Они вызывали во мне омерзение. Им-то не приходится делать ужасные вещи, чтобы заработать на жизнь. У них и так все есть. Мимо проплыли две девушки в красивых длинных платьях. Мне захотелось наступить одной из них на подол — просто чтобы она порвала его или упала. Но я не стала. Только молча посмотрела вслед. Как же я хотела бы жить, как они! Ходить на вечеринки, носить дорогие наряды...

Но, увы. Роскошная жизнь — не про меня.

Тьма опускалась на город. Стояла осень, начало холодать, а на мне была лишь легкая летняя куртка да юбка. Денег оставалось немного. Я зашла погреться в кафе.

Села за столик у телевизора и заказала американо. Я не знала, что означает это слово — только слышала, что когда-то была такая страна, Америка, давшая напитку имя.

Горячий кофе обжигал пальцы и согревал изнутри.

Я закурила и посмотрела на экран. Шел повтор какого-то шоу. Бедолаги соревновались в нелепых испытаниях: битва в желе, погружение в бассейн со скатами, балансировка на ка-

нате под проливным дождем... Проигравших ждала смерть. Мне было их жаль.

После того, как очередного участника разрубило на части хитроумной ловушкой, дали рекламу.

«Хочешь изменить свою жизнь и выиграть десять миллионов? Приходи на кастинг нового уникального телешоу. Возможно, именно ты станешь победителем!»

Дальше показали короткое интервью с продюсерами. Они рассказывали, что предстояло участникам.

Реклама меня заинтриговала. Мне захотелось купить билет на поезд и поехать в Новую Москву! Я понимала — просто так десять миллионов никто не дает. Но это шанс. Шанс изменить жизнь. Если создатели зовут обычных людей, не факт, что проигравших ждет смерть.

Я быстро записала адрес кастинг-центра на салфетке и сунула ее в карман.

Забарабанила пальцами по столу, закурила вторую сигарету. Обычно я столько не курю — только когда нервничаю.

По дороге домой, в автобусе, я все думала об этом шоу.

Что же мне делать? Вдруг я выиграю? Получу кучу денег — я даже не представляю, что с ними буду делать. Может, это мой шанс?

А если проиграю — что тогда?

Я допила кофе, расплатилась и пошла на остановку. И чем больше думала, тем сильнее хотелось бросить все здесь, в Риверфолле, и уехать в Новую Москву. Конечно, я еще могу

пожалеть. Но не сейчас. Если в душе поселится сомнение — так ничего и не изменишь. А пока во мне теплилась надежда. Хотя бы крошечный шанс на то, что жизнь может стать лучше. Я должна попробовать.

Дома я быстро собрала вещи — их было немного — и поехала на метро до вокзала. Лучше умереть на шоу, чем всю жизнь быть жалкой игрушкой для садистов. Но, может быть, там никто не умрет... Кто же убивает добровольцев?

Глава 2

Ингвар

Поздно ночью, когда вся моя семья уже спала, я осторожно, стараясь не шуметь, начал собирать вещи. Несколько часов я обдумывал предложение торговца и в итоге решился на эту авантюру. Наверное, да. Но мне очень хотелось обеспечить семью. Благодаря победе я бы смог оплатить операцию для отца.

Я взял минимум вещей: сменное белье, джинсы, пару футболок, бритву, свитер и носки. Все это уместилось в походный рюкзак.

Писал я не очень хорошо — в деревне у нас не было школы — но мама все же научила меня складывать буквы в слова. Я оставил родным записку: уезжаю в Новую Москву, но скоро вернусь. Объяснил, почему улетаю. Написал, что очень их люблю и буду скучать.

Тяжело уходить вот так, не попрощавшись. Но я знал: если расскажу, мама со слезами на глазах станет умолять ме-

ня остаться. Мы все смотрели телешоу, и родители, конечно, знали, что означает проигрыш для участников. Я тоже знал, но не хотел об этом думать. Я надеялся, что слова торговца о помощи — не пустая болтовня. Что он действительно поможет мне пройти Лабиринт. Для Фридриха я всего лишь способ заработать деньги, но меня это не волновало. Мне было все равно на его мысли и чувства. Главное, чтобы он выполнил обещание.

Надо сказать, по натуре я доверчив. Если кто-то что-то мне обещал, я этому верил. Меня уже обманывали — например, наши местные торговцы — но жизнь меня ничему не учила. И на этот раз я был полностью уверен: если Фридрих дал обещание, он его сдержит.

Я посмотрел на часы. Четыре утра. Пора выходить.

Стараясь не шуметь, добрался до входной двери. Уже открывая ее, понял: не могу уйти просто так, не взглянув напоследок на родителей и сестренку. Снял ботинки, осторожно прошел в комнату сестер. Они еще сладко спали. Кате десять, Лине пять. Я очень их любил. Думаю, они сильно расстроятся, когда узнают, что я уехал.

Я не сдержался и поцеловал сестренку на прощанье.

Когда целовал Лину, она открыла свои чудесные синие глаза и сонно посмотрела на меня.

— Ингвал... — она не выговаривала «р», поэтому вместо «Ингвар» получилось «Ингвал». — Ты что здесь делаешь?

— Спи, — я погладил ее по голове. — Я просто защищаю

тебя от ночных монстров.

Лину ответ устроил. Она перевернулась на левый бочок и снова уснула.

Я тихо вышел.

К родителям заходить не стал — побоялся разбудить. Быстро надел ботинки и куртку и вышел из дома.

И, как назло, наш пес Волк не спал. Увидев меня, он залаял.

— Тише, Волк, молчи, всех разбудишь! — я подошел к нему.

Он гавкнул еще пару раз и замолчал. Я почесал его за ухом — как он любил.

И тут он жалобно заскулил и лизнул меня в ладонь.

«А собаки-то все чувствуют и понимают», — пронеслось у меня в голове.

— Пока, дружище. Охраняй мою семью, пока я не вернусь.

Я отвернулся и пошел к выходу. А Волк все скулил и скулил. Это разрывало мне сердце.

«Я больше никогда их не увижу», — подумал я.

Я чувствовал на себе печальный взгляд пса. Хотелось повернуться и посмотреть на него еще раз. Но я понимал: если сделаю это, то вряд ли смогу заставить себя улететь в Новую Москву.

Осторожно ступая по щебенке, я подошел к воротам, отпер калитку и вышел на улицу.

Внутри поселилась пустота — словно я навсегда потерял что-то важное.

Я быстро дошел до лагеря Фридриха.

Он и его люди уже были на ногах — всю готовились к перелету. Носили коробки, заправляли вертолеты.

Фридрих сразу заметил меня.

— О, мой мальчик! Ты все же пришел! — он улыбнулся, но мне показалось — дежурной, неискренней улыбкой.

— Не замерз? Хочешь погреться? Мы уже прогреваем вертолеты. Ты полетишь со мной, вон в том, с красной полосой по бокам.

— Нет, не холодно, спасибо.

— А где твои вещи? Неужели ничего с собой не взял?

Я показал на рюкзак и сказал, что все необходимое внутри.

— Ай-яй-яй, мальчик. Мы едем не куда-нибудь, а в Новую Москву. Если хочешь победить, придется показать себя продюсерам с лучшей стороны. Выглядеть презентабельно. Ну ладно, там подберем тебе одежду. А сейчас мне надо решить кое-какие вопросы. Позже продолжим. Прошу извинить.

Неужели он всегда будет так заканчивать любой разговор со мной? Это был уже второй наш диалог — и снова он обменялся со мной парой фраз и убежал по делам.

Наконец настало время отлета. Только начинало светать. Воздух серебрился в утреннем тумане. Мы расселись по вертолетам. Пассажирский отсек с удобными креслами был от-

делан светло-бежевой кожей. Пилоты включили двигатели, завертелись лопасти. Я никогда раньше не летал на вертолете — если честно, вообще ни на чем не летал, даже в машине не ездил, — поэтому чуть не оглох от рева лопастей. Фридрих заметил это и усмехнулся. Но когда дверь кабины закрылась, шум моментально стих. Ура, мои уши отдохнут.

Наконец мы взлетели. Я с интересом смотрел в окно на уменьшающиеся деревья и домики нашей деревни — с каждой секундой они становились все меньше. Это зрелище и ощущение полета привели меня в восторг. Вот я увидел свой дом — и мне стало грустно.

Снег еще не выпал, но деревья давно сбросили листву. Внизу виднелась лишь голая земля да темные стволы древних гигантов. Вид леса с высоты очаровывал — отсюда он не казался страшным. Здесь, в кабине вертолета, злобные твари, вроде тех, что покалечили отца, не могли нас достать. Мы спокойно летели над осенним лесом.

Долгое время пейзаж не менялся. Лишь иногда мы пролетали мимо невысоких гор и небольших полей. Из окна я не видел ни одной деревни или городка. Мне очень хотелось посмотреть, как выглядят другие села.

Через час полета мы приземлились в довольно крупном городке. Здесь было теплее, чем у меня дома, но дул промозглый ветер, и я плотнее закутался в куртку.

— Здесь наш полет заканчивается, — объяснил мне Фридрих. — Дальше поедem на поезде.

Вау!

— Но придется подождать. Ближайший поезд — через час. А пока пойдем согреемся, выпьем глинтвейна или грога.

Фридрих привел меня в привокзальную таверну. Заказал нам по стакану глинтвейна.

— Как ни странно, в этом заведении отличный глинтвейн! — захохотал он. — Хотя казалось бы — жопа мира, а глинтвейн отличный!

Я не знал, как себя вести, поэтому просто молча озирался по сторонам.

Таверна оказалась небольшим залом с пятью длинными деревянными столами. Потолки низкие, освещение плохое — несколько лампочек, стилизованных под свечи. Кроме нас с Фридрихом, в ранний час здесь никого не было, только один официант.

Мне было немного не по себе, но Фридриху, похоже, было все равно.

Наконец нам принесли огромные кружки с горячим напитком. В нашей деревне глинтвейн не готовили, и я никогда его не пробовал. Сначала опасался, что не понравится. Но глинтвейн оказался изумительным — он не только согревал изнутри, но и радовал насыщенным пряным вкусом.

— Я же говорил! — улыбнулся Фридрих.

Пока мы наслаждались напитком, он рассказывал о своих путешествиях, о разных чудаках, с которыми встречался. Байки он травить умел — я искренне смеялся над многими

из них. Мы допили первую кружку, нам принесли вторую. Я чувствовал, как пьянею, и мне нравились эти ощущения. Я уже не думал о доме и семье, просто наслаждался моментом.

Фридрих посмотрел на часы.

— Через десять минут поезд. Пойдем, проверим, все ли загрузили.

Я быстро допил остатки глинтвейна, и мы пошли на вокзал. Там Фридриху приветственно кивали другие торговцы. Оказалось, помощники уже все сложили и стояли у вагона, курили. Завидев нас, они бросили сигареты и зашли внутрь. Мы последовали за ними.

— Начинается основная часть путешествия, — сказал мне Фридрих. — Скоро въедем в Центральный регион. Готовься увидеть такое, чего никогда в жизни не видал.

С замиранием сердца я зашел в вагон, предвкушая чудесный путь.

И путешествие на поезде действительно меня поразило.

Состав шел на запредельной, по моим ощущениям, скорости. Но никакого дискомфорта я не чувствовал. Мы сидели на мягких диванах в вагоне класса «Люкс». Нам постоянно подносили напитки и вкусную еду.

Сначала за окном был привычный пейзаж. Но уже через полчаса все изменилось: лес сменился зелеными лугами, потом — летним лесом. Я никогда не видел растительности такой яркой зелени — в наших краях листва куда тусклее. А потом мы стали проезжать все больше и больше городов. Го-

рода были довольно убогими. Но когда мы въехали в границы Новой Москвы, я сразу почувствовал разницу.

Новая Москва резко контрастировала с окрестными городками. Здесь большинство домов были из стекла, и на солнце они ярко сияли. Весь город словно сверкал. Сразу чувствовалось: здесь живут богатейшие люди.

Поезд замедлил ход и где-то через десять мы достигли огромного вокзала. Поезд остановился.

— Вот мы и приехали, — сказал мне Фридрих. — Совсем скоро у тебя начнется новая жизнь.

Агиллат

Три года назад я совершил убийство. До сих пор считал, что поступил правильно, и ни капли не раскаивался.

Тот мерзавец работал в банке. Он увел мою девушку Рейну — ладно, она сама к нему ушла, что в итоге одно и то же.

Когда она объявила, что уходит к другому, во мне что-то умерло. Весь внутренний мир разбился на мелкие осколки. Я тогда просто сказал: «Ладно». Она собрала вещи и ушла, не обронив больше ни слова.

Только после того, как Рейна бросила меня, я словно прозрел и понял, что она за человек. Мерзкая девка, которая любит только деньги. Я решил отплатить по счетам. Долго вынашивал план мести. За предательством всегда идет расплата.

Сперва я пришел к этому тупому банкиру под видом обычного клиента, которому срочно нужны деньги на квар-

тиру. Он меня не знал — ни разу не видел моего лица. Зато я о нем разузнал все: где живет, где работает, в какие клубы и рестораны ходит.

Я слушал его убедительную болтовню о том, почему стоит взять кредит именно в этом банке, а сам уже представлял в голове, как буду убивать. Перебирал способы — от обычного удушения до кровавой бойни топором. В итоге решил, что ножа хватит.

Я дослушал его до конца и сказал, что обязательно подумаю и скоро вернусь. Он пытался убедить меня оформить все прямо сейчас, но я молча встал и ушел. Интересно, как он разозлился, что упустил клиента.

В тот же вечер я поджидал его у дома — в дорогом районе Серебряного города. Когда он вышел из машины и увидел меня, он очень удивился. А когда я достал нож, вы бы видели его лицо! Беднягу перекосило от страха.

Он попытался убежать, но я сбил его с ног и нанес смертельный удар в сердце. Он даже закричать не успел. Я вытер нож о его одежду и с удовлетворением посмотрел на еще теплое тело. Открыл багажник его машины и спрятал труп туда.

Теперь оставалось покончить с моей бывшей любовью. Я забрал сумку незадачливого клерка, достал ключи от его квартиры и поднялся на седьмой этаж небоскреба, где он жил с моей девушкой.

Я открыл дверь. Рейна радостно выбежала мне навстречу — думала, вернулся ее драгоценный банкир.

Увидев меня, она замерла как вкопанная, а потом закричала. Поняла, зачем я пришел. А может, и нет — особым умом она никогда не блистала.

Я прыгнул к ней и зажал рот рукой. Отвел ее, плачущую и брыкающуюся, в ванную и перерезал горло. Бросил тело в ванну. Она умерла не сразу — секунд двадцать еще хрипела, пока кровь лилась из раны, а жизнь по капле покидала ее. Я не чувствовал ни капли сострадания. Я любил ее, выполнял все ее прихоти — хоть денег у меня тогда было негусто, а она за мою любовь отплатила предательством. Бросила меня. Плюнула в душу.

Наконец она издала последний всхлип и затихла.

Я ощутил удовлетворение. Свершилось мое личное правосудие.

Я прошелся по богато обставленной квартире, нашел бар. Открыл и присвистнул. Ничего себе, сколько дорогого алкоголя! Сейчас я могу позволить себе все, что угодно, но тогда я еще не был богат и знаменит. Денег было в обрез. Это, между прочим, тоже послужило одной из причин, почему Рейна ушла от меня к этому клерку.

Я достал из бара бутылку дорогого коньяка.

Я знал, что мой поступок не мог сойти мне с рук. Но сейчас мне хотелось отпраздновать маленькую победу. Я открыл крышку и вдохнул божественный аромат.

Полиция нашла меня сидящим в кресле с этой бутылкой. Я даже не пытался скрыться — знал, что все равно не удаст-

ся. Просто сидел и ждал. А коньяк скрашивал ожидание.

Через месяц меня отправили в Новую Москву на одно из телешоу — испытать судьбу. Я стал победителем. Убил всех соперников. Это оказалось совсем нетрудно — большинство из них были тупоголовыми бандитами, которые не умели думать наперед и с легкостью попадались в мои ловушки. Так я заслужил искупление.

Я стал популярным. Обзавелся армией фанатов. Переехал жить в Новую Москву. Меня стали приглашать на телевидение — комментировать шоу, вести передачи.

Я получал удовольствие от жизни. Познакомился с другими победителями. Даже сдружился с Дейзи Митз, стройной блондинкой, которая тоже когда-то перебила всех своих соперников.

Постепенно наше общение переросло во что-то большее. Мы оба понимали: мы — одинокие волки. Но вместе мы — идеальная пара. Мы поддались искушению и окунулись в водоворот ярких ощущений. В нашем мире было столько всего интересного! Наши отношения можно было назвать полным безумством.

Мы путешествовали по стране, предавались утехам, развлекались как могли.

Откровенно говоря, я скучал по тому времени, когда участвовал в телешоу. С тоской вспоминал сладкие моменты убийства врагов. Тогда я чувствовал себя всесильным решателем судеб. И не было ничего слаще мига, когда жизнь по-

кидала тело поверженного противника нба моих глазах. Думаю, убивать было заложено у меня в крови.

Но время шло. Я стал замечать, что и Дейзи все наскучило. За целый год нашего общения я так и не разгадал истинных побуждений ее поступков — она мастерски хранила свои мысли в секрете. Я так и не узнал, о чем она думает на самом деле. Но расставаться мне с ней не хотелось. Все же мы любили друг друга. По крайней мере, я. И мне хотелось думать, что Дейзи испытывала ко мне те же чувства. Иногда меня терзали сомнения, но я отбрасывал неприятные мысли прочь. Мне очень хотелось верить, что я нашел свою вторую половинку. Ту, которая никогда меня не оставит.

И тогда я предложил ей идею, которая пришлась ей по вкусу. Несколько раз мы выбирались в глушь — в места, настолько далекие от больших городов, что цивилизации там почти не чувствовалось. Мы находили каких-нибудь бродяг и убивали их. Иногда предварительно слегка помучив. Только в такие моменты Дейзи сияла — на ее лице расцветала улыбка. Да и я чувствовал себя опьяненным восторгом.

Но, увы, позволить себе безнаказанно совершать такое часто мы не могли. Приходилось довольствоваться малым.

Мы думали: может, попробовать вести спокойную, обычную жизнь? Простой пары? Забыть о риске, ходить в кино, рестораны, магазины, по воскресеньям устраивать семейные обеды дома... Но, к сожалению, мы оба понимали: такая жизнь нам не подходила. Мы не представляли своего су-

ществования без авантюры и не могли жить в обыденности. Невозможно искоренить в себе убийцу, каким бы суровым ни был закон.

Мы долго думали, что бы такого сделать, чтобы вернуть искру в наши отношения. А пару дней назад услышали про новое шоу на выживание под названием «Лабиринт». Я бы предпочел найти другой способ оживить наши отношения, но Дейзи стала одержима идеей принять в нем участие и только о нем и говорила, уговаривая меня принять в нем участие вместе с ней.

Ей нужен был сильный выброс адреналина, по которому она так скучала. Я же не горел желанием ставить на кон свою жизнь (иначе быть и не могло – все такие шоу требовали от участников жертвы). Но я любил Дейзи и по итогу сдался под психологическим прессингом с ее стороны, позвонил друзьям с телевидения. Меня и Дейзи без проблем внесли в списки участников — без прохождения кастинга. Вернее, формально мы должны были на него прийти, но участие нам уже обеспечили. Мы были уверены в своих силах. Знали, что сможем победить. Опасности нас не пугали — наоборот, в них мы видели способ достичь цели и избавиться от других участников.

До начала кастингов оставалась всего неделя. Эмоции уже переполняли нас. Наши отношения получили новый виток развития, и это радовало нас обоих. Мы обсуждали предстоящее событие, гадали, с какими соперниками столкнемся.

Может, кто-то из старых друзей тоже захочет поучаствовать в этом проекте.

Десять миллионов... Я уже чувствовал шершавый чек в руках. Но не стоит забывать: я еще ничего не выиграл. В лабиринте нужно быть предельно внимательным. Рано делить шкуру неубитого медведя.

И все же я с нетерпением ждал начала шоу. Возможно, даже начала новой бойни — кто знает, что именно уготовили для нас создатели?

Татьяна

— Таня, одумайся, не ходи на кастинг! — умоляла меня Розалия, когда я рассказала ей о своем решении. — Волонтеров всегда мало. Если ты придешь, тебя почти наверняка возьмут в участники! Зачем тебе это? Неужели тебе не хватает того, что есть сейчас?

А ведь правда — хватает?

Я не сразу решилась. Несколько дней я взвешивала, стоит ли идти. Прикидывала «за» и «против», рисовала в голове будущее. В первом варианте я не иду на шоу и всю жизнь до самой старости прислуживаю богатым. Ничего интересного — серая, однообразная, скучная жизнь. Во втором — все радостно и весело. Я выигрываю кучу денег, покупаю большой дом, наконец-то живу для себя, ни в чем себе не отказывая. Был и третий вариант — я умираю во время испытаний. Но о нем я старалась не думать. И четвертый — меня не берут на кастинге, но такой я даже не рассматривала.

Подумав, я решила: жизнь служанки и смерть для меня почти одно и то же. Так почему бы не сыграть с судьбой? Вдруг получится?

Я попыталась объяснить это Розалии, но она и слушать не хотела.

— Пойми, я не хочу всю жизнь кому-то прислуживать. Какие у меня перспективы? Никаких. А вспомни мое прошлое в детдоме — когда у меня не было вообще ничего. Я не хочу так жить, Розалия, — говорила я. — Лучше умру, чем не попытаюсь изменить свою судьбу.

— Ох, детка! Посмотри на это с другой стороны. У тебя все не так уж плохо. Многие люди так живут. А еще больше тех, кто живет гораздо хуже! Но они же не ломаются на телевизионные проекты. Людям дорога своя жизнь. Пожалуйста, умоляю тебя, одумайся! Пойми, на пробы вряд ли придет много народу — наберется человек сорок таких же, как ты. И всех вас отправят на убой...

Подруга смотрела на меня грустными глазами. В них читалась мольба. На секунду я дрогнула, мне стало жаль ее.

Нет. Я тряхнула головой. Сомнениям не место.

— Розалия, они — это не я! Это моя жизнь, и мое право распорядиться ею так, как я хочу! Почему ты не хочешь меня услышать? Неужели не понимаешь, как мне хочется что-то изменить? Посмотри на себя! Быт полностью поглотил тебя! Когда ты в последний раз делала что-то для себя? — я немного вспылила.

Розалия промолчала.

— Ответь мне!

— Таня, дело не только в развлечении. Ты идешь на верную смерть...

Розалия уже чуть не плакала.

— Телевидение — это не место для простых людей. Ты окажешься там среди преступников и разбойников, которым ничего не стоит тебя убить... Пожалуйста, не ходи туда.

— В рекламе сказали, что в этот раз приглашают добровольцев!

Подруга горько усмехнулась.

— Не верь рекламе. Позволишь рассказать тебе одну историю?

Историю? Я любила слушать Розалию — она замечательно рассказывала истории и могла рассмешить кого угодно. Но сейчас я чувствовала: рассказ будет не из приятных. Честно говоря, я боялась, что она начнет читать мне нотации, а мне этого совсем не хотелось.

Но я кивнула.

— Хорошо. Рассказывай.

Розалия начала. История была недлинной, но я сразу поняла, почему она решила поведать ее именно сейчас.

— Раньше у меня был брат, Агат. Хороший человек, его все любили. Но однажды он пошел в магазин за продуктами. По дороге на его глазах грабитель напал на женщину и вырвал у нее сумку. Вор, конечно, был полным дураком — со-

вершать ограбление на глазах у других, — но в наше время люди, увы, равнодушны к чужим бедам. А мой брат отличался чувством долга и справедливости, не смог пройти мимо. Он решил догнать преступника и сдать полиции. Но судьба порой бывает жестока. Агат нагнал вора, прыгнул на него. И не мог даже представить, что тот ударится головой о камень и умрет. Полиция схватила уже не вора, а моего брата. Его обвинили в убийстве. Суд не захотел даже слышать о том, что он боролся за правое дело. Его отправили на шоу...

Розалия замолчала. Ей было очень трудно говорить. Я погладила ее по плечу.

— Я еще никому не рассказывала... — тихо добавила она. Я печально улыбнулась.

— Ему выпало шоу «Факел». Двадцать участников на огромной арене. В центре горел факел. Нужно было первым схватить его и донести до постаментов на другой стороне. Разрешалось все — избивать и убивать друг друга. Прозвучал гонг. Мой брат первым побежал к факелу. Никто не мог его догнать. Он схватил его и побежал к постаменту. Но не добежал совсем чуть-чуть — кто-то бросил в него камень и попал прямо в голову, разбив ее. Но он не остановился. Полетели еще камни, тяжело ранили Агата. Он уже не мог бежать, но упрямо шел. Если бы тогда он нашел силы добежать, другой участник не нагнал бы его и не отобрал факел... Вся гонка заняла минут двадцать, не больше. Мой брат почти победил. Но... всех участников, кого не убили во время шоу, просто

расстреляли. И моего брата в том числе.

Розалия замолчала. По ее щеке медленно катилась слеза.

— Неужели и ты меня оставишь? — спросила она.

Я отвела взгляд.

Мне было безумно жаль ее. Ее вопрос пронзил мое сердце.

Бедная Розалия...

Но что я могла ей сказать? Ее история произвела на меня впечатление, мне было больно слышать о судьбе ее брата. Но она не переубедила меня. Я твердо решила участвовать. Тем более в Лабиринт пойдут обычные люди — такие же, как я. Отчаянные. Кому нечего терять.

На душе было паршиво от мысли, что я бросаю Розалию. И именно в тот момент я поклялась себе: я выиграю это шоу любой ценой, несмотря на все страдания и раны. Ради Розалии.

Кажется, она это поняла. Горестно вздохнула.

— Ах, Таня... Что ж. Раз я не смогла тебя переубедить, даю тебе свое благословение. Ты сильная, ты сможешь все преодолеть. Я верю в тебя. Мы все будем за тебя болеть.

Помолчав, она добавила:

— Но я буду молиться Богу, чтобы ты не прошла кастинг и вернулась домой целой и невредимой.

Мысленно я с ней не согласилась. Конечно, я пройду кастинг!

До начала проб оставалось два дня, а работа в доме Бо-

лен продолжалась. Сегодня вечером хозяйева снова устраивали вечеринку — нам нужно было все подготовить: помыть посуду, погладить скатерти. Наш разговор с Розалией занял всего минут двадцать, но, когда мы вернулись на кухню, разгневанный шеф-повар набросился на нее с отборными ругательствами — хотя она была его первой помощницей (простых поварят он крыл куда сильнее). Уши у меня покраснели.

У поваров перед торжественными приемами дел всегда невпроворот, работа кипела. Стоял пленяющий запах жареного мяса. Там и тут шипели сковородки — рыба, мясо, морепродукты, всего в изобилии. На вертеле готовили молочного поросенка. У меня слюнки потекли. Как жалко, что нельзя всего этого отведать!

Но пора было бежать выполнять свои обязанности. Наверняка другие девушки уже сто раз меня прокляли, что я их бросила.

— Где тебя носило столько времени? — закричал распорядитель Милос, когда я вбежала в главный зал. Худой, невысокий, с тоненькими усиками, вечно экзальтированный. Он всегда поражал меня тем, что делал сразу сотню дел и создавал впечатление, что находится одновременно в нескольких местах.

— Я следила, чтобы на кухне все готовили вовремя! — соврала я.

— Так, быстро-быстро! Помогай сервировать стол! — за-

махал руками Милос. На это было очень смешно смотреть.

— Куда вы ставите цветы? — отвлекся он, заметив промашку оформителей. — Вот туда их надо! Вы словно ничего не понимаете в украшении мероприятий! Ах, как же мне тяжело!

Суета поглотила меня, и на время я перестала думать о Лабиринте.

Но уже через два дня я стояла в очереди на кастинг.

Глава 3

Корнелий

Людей на кастинг пришло совсем немного — человек триста, не больше. Это хорошо: шансы попасть на шоу довольно высоки. Я рассматривал других претендентов. Большинство — молодые, мало кому можно дать больше тридцати. Я среди всех был самым маленьким и единственным, кто носил очки.

Я близорук. В школе из-за этого меня часто дразнили. Впрочем, надо мной издевались и не только из-за очков. Из-за роста, из-за того, что не умел давать сдачу, из-за любви к книгам. Я из богатой семьи, учусь в элитной школе для избранных. А в таких школах, к сожалению, учатся в основном знатные засранцы.

Сверстники травили меня по полной.

Начиналось все с мелочей: мои очки постоянно «случайно» слетали с лица — то кто-то задел на перемене, то толкнул в спину на лестнице. Однажды я нашел их в унитазе.

Потом начались «игры». Меня запирали в спортивном зале, выключали свет и бросали в темноту на несколько часов. Я сидел в углу и слушал, как они смеются за дверью.

Меня раздевали до трусов в раздевалке и вышвыривали одежду на крышу. Я стоял и дрожал, прикрываясь руками, а они снимали меня на телефоны и грозились выложить в сеть, если я кому-то расскажу. Мне тогда было тринадцать. Я не рассказывал.

Однажды четверо держали меня, а пятый — сынок какого-то министра — засунул мне в штаны живую крысу и застегнул молнию. Я орал, а они ржали. Крыса исцарапала мне бедра в кровь. Я неделю ходил в синяках и расцарапанный. Родителям сказал, что упал с велосипеда. Они поверили. Или сделали вид, что поверили.

В столовой они выливали мне суп за шиворот. Подкладывали в еду какашки. Однажды я нашел в своем рюкзакедохлую кошку. Я не знаю, где они ее взяли. Я не знаю, кто ее убил. Я просто выбросил рюкзак и два дня не мог есть.

У меня не было друзей. В школе никто со мной не разговаривал, кроме учителей — и то по делу. Если кто-то и пытался подойти, задиры быстро давали понять, что дружить со мной — себе дороже. Так что я привык быть один. Читать в углу библиотеки. Сидеть в конце столовой, где никто не садится.

Самое страшное случилось в прошлом году. Четверо парней выследили меня после школы, когда я возвращался до-

мой через парк. Накинули на голову мешок, связали руки и ноги и бросили в мусорный контейнер. Меня из него вытащили воняющего, перепуганного, в синяках. Родители устроили скандал, наняли адвокатов. Но в итоге все замяли — у обидчиков оказались слишком влиятельные папы.

А через неделю я получил сообщение от неизвестного номера: «В следующий раз мы тебя сожжем».

Это, главным образом, и подтолкнуло меня на участие в Лабиринте.

Я хотел всем доказать, что я не тот слабак, за которого меня принимали. Впрочем, проходить лабиринт я рассчитывал, полагаясь в основном на ум и наблюдательность.

Сегодня я прогулял школу. Думаю, об этом немедленно доложат родителям. Но я надеялся, что меня это уже не будет волновать, если я успешно пройду кастинг. Если же нет — мне обеспечен круглосуточный надзор охранников, которые будут ходить за мной по пятам.

Но сегодня мне точно не придется ночевать дома: всех кандидатов разместят в центре подготовки. А там посмотрим...

Центр подготовки, где проходил кастинг, оказался невысоким трехэтажным зданием из металла и стекла. Круглой формы — ни одного острого угла. Выглядело симпатично: солнце отражалось от всей его поверхности.

Честно говоря, я не знал, что ждет меня, если я пройду кастинг, но не смогу пройти лабиринт. Хотелось бы думать,

что организаторы найдут меня и выведут «на свободу».

Я не заметил, как очередь впереди зашевелилась — в здание стали запускать претендентов.

— Эй, малявка, чего встал? — кто-то грубо хлопнул меня по плечу, да так, что очки чуть не слетели, и подтолкнул ногой вперед.

Я поправил очки и обернулся. Огромный мускулистый темнокожий парень с бритой головой.

— Чего уставился? Иди давай, — грубо сказал он.

— Извините, — пробормотал я. Неприятности ни к чему. Мало ли, вдруг мы вместе пройдем на шоу. Лучше не заводить врагов.

Очередь потихоньку продвигалась. Теперь передо мной стояло всего три человека. Наконец, я дошел до стеклянных дверей.

На входе за компьютером сидела женщина в строгом темном костюме и регистрировала участников.

— Имя? — задала она стандартный вопрос.

— Корнелий.

— Возраст?

— Шестнадцать.

Она быстро внесла данные в систему и выдала пропуск.

— Второй этаж, комната 202.

Я поблагодарил и направился к лифту, хотя мог бы подняться и пешком.

— Имя? — услышал я за спиной.

— Атари.

Ага, вот как зовут того громилу. Надеюсь, мне не придется с ним конкурировать.

Лифт все не ехал, и я начал беспокоиться, что придется подниматься вместе с Атари.

Зря я об этом подумал. Только я зашел в лифт, как увидел, что Атари направляется к нему же.

Увидев меня, он оскалился.

— И что такие дохляки, как ты, тут забыли? Тебя тронь — развалишься. Бегать-то хоть можешь?

— Могу, — коротко ответил я. Мне хотелось стать невидимым, лишь бы не стоять с ним рядом. Я всегда чувствовал себя некомфортно с такими, как он — вечно ждешь подлости. И сейчас я весь сжался.

— Ну посмотрим, как ты бегаешь! У тебя, кстати, какая аудитория?

Отвечать не хотелось, но одноклассники приучили: когда задиры спрашивают, лучше ответить.

— 202.

— Какое совпадение, малявка! — загоготал он.

Очень приятное совпадение. Но я заставил себя улыбнуться.

Слава богу, доехали до второго этажа.

Атари снова захохотал, когда открылись двери.

— Ну пойдем, как там тебя?

— Корнелий.

— Ого, ну и имечко! Что курили твои предки, когда выбирали тебе имя?

Я промолчал. Будь я с него ростом, я бы ответил чем-нибудь обидным. Но увы — природа не наградила меня ни ростом, ни мускулами. Только умом.

Интересно, как будет проходить отбор? Скоро узнаю.

По коридору шли недолго. Вот мы уже у входа в комнату.
— Удачи, малявка! — пожелал Атари и первым вошел внутрь. Я следом.

Да, аудитория поражала технологичностью. Окон не было. Вместо них на стенах висели три огромных изогнутых экрана — сейчас по ним крутили рекламу Лабиринта.

Сама комната напоминала лекционный амфитеатр: ряды столов спускались уступами к центру, образуя круг вокруг небольшой сцены. Все кресла были отделаны бежевой кожей, столы из светлого дерева. Столы сплошные, но кресла стояли друг от друга примерно в полуметре. Перед каждым креслом в столешницу был вмонтирован сенсорный экран — для каких целей, пока загадка. Все выглядело очень стильно и изысканно.

Распорядительница — девушка с короткими темными волосами в строгом костюме — рассаживала немногочисленных пока участников.

Меня посадили на четвертый ряд снизу. Справа сидела невысокая худенькая девушка, которая все время теребила в руках какой-то кулон. Я присмотрелся, надеясь разглядеть,

но из-за слабого зрения так и не понял, что это.

Заметив мой взгляд, девушка повернулась и улыбнулась. Обворожительно.

«А она очень милая», — пронеслось у меня в голове.

— Привет! Меня зовут Таня, — представилась она.

— К-корнелий, — заикаясь, ответил я.

Она засмеялась.

Что ж, Таня мне определенно понравилась. Чувствовалось — человек открытый и доброжелательный.

— А что у тебя за кулон? — набравшись смелости, спросил я. Ого, могу же поддерживать разговор, когда захочу.

— Ключик. Всегда ношу с собой — на удачу. Это единственное, что осталось от родителей.

— Ой, прости, пожалуйста, — я чуть не сгорел от стыда. «Бедная, потеряла родителей», — почему-то именно эта мысль пришла в голову.

— Да ладно, ничего страшного! Я их никогда и не видела. Меня еще крохой отдали в детский дом.

Детский дом... Я слышал, какие там ужасы вытворяли с детьми. Поговораривали, что дети умирали в таких местах как мухи. Мне стало очень жаль Таню, но я не знал, что в таких случаях принято говорить. У меня никогда не было друзей, и общаться со сверстниками, и тем более ребятами старше меня я не умел.

А ведь сам спросил про кулон!

Девушка заметила мое смущение и успокоила:

— Не переживай, все хорошо. Лучше скажи: что мы сейчас будем делать? Я никогда даже за компьютером не сидела, а тут перед каждым креслом монитор.

— Хотел бы я знать. Наверное, какие-нибудь психологические тесты. Или групповое онлайн-собеседование. Кто знает.

— Интересно, — задумчиво сказала Таня.

И тут меня словно молнией ударило. Я же не пройду собеседование! Если меня о чем-то спросят, что я отвечу? Буду стоять с глупым видом, краснея как помидор. Все надо мной посмеются, и придется возвращаться домой...

Бр-р. Гадость.

Я завертел головой, разглядывая остальных.

Увидел Атари — его посадили на два прохода дальше от меня. Перед ним сидел светловолосый парень, наверное, из северных краев.

Дверь бесшумно открылась, и вошел коротко стриженный мускулистый парень в обтягивающей футболке. Его лицо показалось смутно знакомым, но я никак не мог вспомнить, где его видел. Потом вошла еще какая-то девушка в мятых синих штанах, за ней — еще одна.

Аудитория постепенно наполнялась. Свободных мест становилось все меньше.

И когда какой-то старик — что он-то забыл на этом шоу? — занял последнее место, свет в комнате погас, телевизоры выключились.

Ого. Сейчас будет что-то зрелищное.

Из динамиков полилась громкая торжественная музыка — как перед открытием какой-нибудь актерской премии.

— Дамы и господа! — раздался мужской голос, прозвучавший, пожалуй, слишком пафосно. — Приветствую вас, смельчаки, на кастинге самого грандиозного шоу за всю историю человечества! Встречайте — ведущий проекта, Великолепный Джо!

На экранах появилось изображение мужчины в полный рост. Он был в ярком блестящем костюме, словно из чистого золота. Стоял на черном фоне в лучах прожектора — чтобы максимально выгодно показать цвет наряда — и широко улыбался. Великолепный Джо смотрел на нас со всех трех экранов.

— Дорогие претенденты! Я восхищен вашей отвагой и мужеством! Только самые смелые жители Тихой Гавани могли прийти на кастинг нашего шоу! Не буду расточать комплименты, но уверен — многие из вас покажут себя в Лабиринте с лучшей стороны! Я сгораю от нетерпения в ожидании имен тех, кто войдет в список участников! Пусть не всем это удастся, но я желаю удачи каждому из вас! А теперь... — он сделал многозначительную паузу, как всегда делают ведущие перед кульминацией, — объявляю начало кастинга!

Экраны погасли, в последний раз мелькнула улыбка Великолепного Джо. Свет, наоборот, зажегся.

На сцену вышел распорядитель.

Кажется, вот и началось мое путешествие. И пусть оно завершится не сегодня.

Саная

— Уважаемые претенденты! — подал голос распорядитель. Подтянутый молодой человек в стильных очках и фиолетовом костюме. — Перед каждым из вас — компьютеры. Они понадобятся вам для первого этапа кастинга. Коснитесь монитора, чтобы активировать устройство. Затем введите в появившемся поле свое имя и фамилию. После этого откроется программа с тестовыми вопросами. Всего их сто пятьдесят. Времени — ровно час. Старайтесь отвечать как можно честнее. Наш искусственный интеллект проанализирует ваши ответы и выберет шестьдесят человек для дальнейшего отбора. Остальные отправятся по домам. А сейчас — время пошло!

Я коснулась монитора. На нем появилась фотография кастинг-центра, а внизу — бледная полоска загрузки. Через несколько секунд, как и сказал распорядитель, высветилось окошко для ввода имени. Я ввела. Программа с тестами открылась.

Интересно, что за вопросы?

О, первый вопрос — создатели шоу сразу брали быка за рога: «Есть ли у вас аллергия?»

Хм... Вроде нет.

Я неспешно отвечала. Вопросы неприятно поражали сознание:

«Могли бы вы пожертвовать жизнью человека, чтобы остаться в живых сами?»

«Стали бы вы помогать раненому сопернику или бросили бы его умирать?»

Очень странные психологические вопросы, подумалось мне.

Были и помягче: «Страдаете ли вы клаустрофобией?», «Бойтесь ли темноты?», «Есть ли у вас алкогольная зависимость?»

Целых сто пятьдесят вопросов. Отвечать было неприятно, но я хотела пройти кастинг, так что пришлось.

«Готовы ли вы умереть на шоу?» — дошла я до такого.

Меня сковал ступор.

Что? Они серьезно? Может, еще не поздно все отменить и вернуться в Риверфол?

Но потом я подумала: хозяин уже наверняка заметил мое отсутствие. Если я вернусь, смерть может показаться легким вариантом. К тому же воспоминания о последнем клиенте до сих пор вызывали дрожь.

Так, ладно. Что я себе говорила, когда покидала Риверфол? «Лучше умереть там, чем всю жизнь быть жалкой игрушкой для садистов».

И я ответила на этот вопрос утвердительно.

Интересно, что чувствуют другие, отвечая на такое?

Я посмотрела по сторонам.

Лицо парня через проход справа не выражало никаких

эмоций.

А вот девушка слева проходила тест очень эмоционально. Да что там — она была в ужасе от вопросов. Глаза широко раскрыты, зрачки огромные. Вот кому точно не стоило приходить на этот кастинг.

Люди позади реагировали в основном спокойно, хотя на лице одной девушки играла улыбка.

Так, я, конечно, не психолог, но эту блондинку стоит опасаться. Она наверняка пройдет кастинг, и кто знает, чего от нее ждать.

Если я успешно пройду, нужно будет присмотреться к тем, с кем посчастливится оказаться в лабиринте. Может, даже с кем-то заключить союз... Но тут надо тщательно подумывать.

Время летело. Прозвенел звонок — время вышло. Компьютер погас. К счастью, я успела ответить на все.

Снова заговорил распорядитель.

— Уважаемые претенденты! Те из вас, кто после прохождения теста передумал участвовать в дальнейшем кастинге, вольны уйти прямо сейчас. Мы никого не задерживаем. Если такие есть — спасибо, что пришли попробовать свои силы, с вами мы прощаемся.

Девушка, сидевшая рядом со мной — та, с огромными зрачками, — встала. А вместе с ней еще четыре человека. Я смотрела, как они покидают аудиторию. Появилось желание присоединиться. Я уже почти вскочила, но потом вспомни-

ла: я приехала сюда не для того, чтобы позорно ретироваться.

Мне надо быть сильной и непоколебимой. Чтобы добиться своего.

Виктор

Тест закончился.

Вопросы меня не испугали. Мне было все равно, проиграю я или выиграю. Даже если проигрыш — смерть.

— Через полчаса система обработает тесты, — объявил распорядитель. — У успешно прошедших пропуск, который вам выдали при регистрации, загорится зеленым, провалившихся — красным.

Нас отвели в зал ожидания — уютную комнату с мягкими креслами и огромными окнами в лес. Большинство сидело молча, обособленно. Ко мне подошел какой-то тощий парень, спросил, курю ли я. Я солгал: «Нет». Нас могли снять.

— Жаль, — ответил он и отошел.

Воздух висел тяжелый. Напряжение — или мне только казалось?

Я сел на диван в дальнем конце. Ко мне подошла девушка с каштановыми волосами. От нее пахло сладкими духами — как от Ари. Она достала дневник и стала что-то в нем записывать. Я отвернулся, чтобы не смущать.

Наконец объявили результаты.

Мой пропуск загорелся зеленым. Я прошел. Осталось

шестьдесят претендентов. Тот тощий парень, спросивший меня про сигареты, вылетел.

— Шестьдесят претендентов проходят во второй этап, — объявили по динамику. — Будет отобрано сорок четыре финалиста, затем их поделят на основной и резервный составы. Скоро мы начнем вызывать успешно прошедших первый этап отбора на второй раунд. Порядок вызова — на мониторах.

В зале началась толкотня, все побежали к мониторам смотреть свое место в очереди.

Пока я ожидал, когда вызовут меня, познакомился с Ингваром и Гронни — весельчаком, который хохотал так, что во все стороны летели слюни. Но парень он неплохой.

В комнату вошла безумно красивая девушка азиатского происхождения. Ортея, как мы скоро узнали. Высокая, черноволосая, с идеальной осанкой, с таким выражением лица, будто воздух вокруг нее был обязан пахнуть деньгами. Она не вошла — она соизволила появиться. Окинула зал ленивым, оценивающим взглядом, брезгливо поджала губы и сказала громко, без тени смущения:

— Боже. И с этим сбродом мне придется дышать одним воздухом?

Мы удивленно уставились на нее.

— Чего вылупились? — она посмотрела на нас сверху вниз. — Не переживайте. Я скоро отсюда уйду. В финал, разумеется. А вы останетесь здесь — ныть и жалеть себя.

— С чего такая уверенность? — не выдержал я.

Ортея склонила голову набок, словно я сказал нечто умильительно-глупое.

— Потому что я лучше вас в любых смыслах. Умнее, сообразнее, умею добавиться своего и совершенно не намерена проигрывать таким, как вы. А еще - Мне совершенно нет до вас никакого дела.

Она села напротив, грациозно закинула ногу на ногу и достала маленькое карманное зеркальце. Принялась поправлять волосы — будто нас вокруг не существовало. Вообще.

Гронни пихнул меня локтем и шепнул:

— Стерва.

— Зато пройдет, — ответил я так же тихо. — Такие всегда проходят.

— Не пройдет, — буркнул Ингвар, глядя в пол. — Мое место она может занять.

Гронни захохотал — громко, раскатисто, с брызгами слюны, которые полетели на соседнее кресло.

— Не, парень, так не работает. Парни конкурируют с парнями, девушки с девушками. Конкуренция раздельная. Твое место ей не светит.

— Откуда знаешь? — спросил я.

Ортея, не поднимая глаз от зеркальца, ответила вместо Гронни. Спокойно, лениво, с легкой усмешкой в голосе:

— Потому что об этом говорили в рекламе. 12 парней и 12 девушек. Вы вообще что ли не в курсе, куда пришли? Но

не переживайте. Мне не нужно ничье место. Оно само будет моим.

Она захлопнула зеркальце, одарила нас холодной улыбкой и встала с кресла. Словно вычеркнула нас из своей из реальности.

Гронни присвистнул.

— Вот это характер. Я бы с такой в лабиринт ни за что не пошел.

— А она бы тебя и не взяла, — усмехнулся я.

Ингвар

Наступило время второго тура кастинга. На него отобрали шестьдесят претендентов. Мне выпало идти десятым. Я обрадовался, что мне предстояло идти одним из первых — не придется ждать, пока все остальные пройдут.

Хотя, в общем, кастинг был для меня лишь формальностью.

Когда мы приехали в Москву, Фридрих сразу связался со своими друзьями с телевидения и замолвил за меня словечко — по крайней мере, он так сказал, я лично разговора не слышал. Потом он отвез меня к какому-то крутому дизайнеру, и тот подобрал очень красивый костюм, который сел на меня идеально. Цена одежды меня убила, но Фридрих велел ни о чем не беспокоиться.

— Очаруй комиссию, — наставлял он. — Покажи себя с лучшей стороны.

Но сейчас я нервничал так, что меня прошиб пот. Рубаш-

ка прилипла к спине. Если я провалюсь на кастинге, меня вряд ли возьмут в шоу, даже несмотря на обещания Фридриха. И страшно представить, что он тогда со мной сделает.

Гронни, стоявший рядом, постоянно заливался смехом — то ли от нервов, то ли просто такой человек. Меня уже всего забрызгало его слюнями, хоть я каждый раз отодвигался.

Второй мой знакомый, Виктор, являл полную противоположность весельчаку Гронни. Он был мрачен и смотрел на мир мертвым взглядом. Я не знал, что с ним случилось в прошлом, но явно что-то тяжелое.

— Интересно, что нас там ждет? — задумчиво сказал Виктор. Он должен был идти двадцать третьим, а Гронни — тридцать шестым. Значит, я не увижу их до конца второго тура — претенденты, заходившие в комнату судей, не возвращались. Наверное, чтобы не рассказывать, что происходит за дверями.

Минут двадцать прошло с тех пор, как девятый претендент, точнее, претендентка, зашла в комнату (что-то она там долго возится). И вот вызвали меня.

— Удачи, Ингвар! — пожелал Гронни.

Наступала моя очередь.

Сердце гулко стучало в груди. Я так сильно не волновался даже дома перед охотой. Глубоко вздохнул и задержал дыхание. Успокойся, все будет хорошо.

Я открыл тяжелые дубовые двери и вошел. Они с глухим стуком захлопнулись за спиной.

В комнате царил полумрак. Глаза еще не привыкли, я едва различал очертания мебели. Судей не было видно. Куда я попал?

— Ингвар, — громко объявил невидимый мужчина.

Раздался шипящий звук, и зеленый свет лазерных лучей озарил комнату. Я прикрыл глаза рукой, защищаясь от яркого свечения. Лазеры образовывали коридор из причудливых переплетений — каждый луч на разной высоте и под разным углом. Между собой они не пересекались.

— Ингвар, вы должны пройти этот импровизированный коридор, не задев ни один луч. На прохождение — одна попытка. Постарайтесь быть как можно аккуратнее.

Блин. Вот и пригодился костюм. Я снял пиджак и бросил на пол — еще задену ненароком какой-нибудь луч и провалю испытание. Засунул концы шнурков в ботинки.

Я внимательно пригляделся к лучам. Первый был на уровне колен, шел горизонтально. Второй рассекал пространство под углом в сорок пять градусов. Значит, можно лечь и проползти под ними. Сразу за первыми двумя третий и четвертый лучи находились один под другим. Чтобы миновать их, пришлось привстать и, пригибаясь, чтобы не задеть головой верхний, переместиться над нижним. Сделать это было нелегко — расстояние между лазерами небольшое. Но я миновал и их.

Дальше два луча располагались вертикально, а один наклонный пересекал их. Я замер в полусогнутой позе, сооб-

ражая, как преодолеть препятствие. Перенес вес на правую руку, вытянул ноги под лучами и боком пролез между ними. Чуть не задел, но пронесло.

Впереди ждала небольшая передышка — одиночный луч. Я легко прополз под ним. Последним испытанием были два наклонных параллельных луча. Их я тоже преодолел без особых проблем.

Я запыхался, но чувствовал радость: испытание пройдено. Зажегся свет. Я стоял прямо напротив судейского стола. За ним сидели двое — полный мужчина с пышной черной бородой и женщина с дикой прической. Кроме них, в комнате находились три оператора, снимавшие меня и жюри с разных ракурсов.

— Поздравляю, Ингвар, вы прошли первое испытание, — поприветствовала женщина. — Сейчас мы просто поговорим с вами и отпустим отдыхать.

— Расскажите о себе, — попросил бородатый.

Я рассказал, что живу на далеком Севере, в охотничьей деревне, с родителями и сестрами. Что отец повредил ногу, преследуя зверя-мутанта, и больше не может ходить в лес. Что теперь только я могу принести хоть какой-то доход семье.

— Вы поэтому решили участвовать в нашем соревновании? — спросил он.

Я честно ответил, что хочу заработать на операцию для отца, избавить семью от нужды, чтобы родные жили в без-

опасности и никто больше не рисковал жизнью ради куска хлеба.

Я чувствовал себя довольно уверенно. Уже не так нервничал — самое страшное осталось позади.

Судьи поблагодарили меня и предложили отправиться в следующую комнату.

В ней располагался какой-то странный аппарат, напоминавший трубу, рядом с которым стояла симпатичная девушка в белом халате.

— Не мог бы ты прилечь сюда? — девушка указала на кушетку перед белой трубой. — Мы просканируем твоё тело на предмет заболеваний.

Я послушно лег на кожаную кушетку, и она заехала внутрь трубы. Внутри заглушались все звуки — я не слышал ничего, кроме собственного дыхания. По бокам на уровне глаз горели маленькие лампочки, освещая пространство.

Раздалось сильное гудение, и мне стало не по себе. Над мной задвигались какие-то округлые детали — аппарат пришёл в действие.

Не прошло и минуты, как гудение прекратилось. Кушетка выехала обратно. Я приподнялся.

— Ингвар, спасибо, проходите в зону отдыха. Как только закончим цикл интервью, сразу объявим финалистов. Вы показали очень хорошие результаты. Думаю, мы ещё увидимся! — девушка широко улыбнулась. В глазах её, однако, улыбки не было.

Дежурная фраза, которую она говорит каждому. Но я был рад, что странная процедура закончилось.

С облегчением я вышел в комнату отдыха, где уже собрались все прошедшие кастинг до меня.

Когда я вошел, все обернулись.

— Всем привет, — сказал я.

— Привет, — ответил кто-то.

— Как прошел лазеры? — спросил один парень. Остальные с интересом ждали ответа.

— Да нормально вроде, — осторожно ответил я. Не хотелось хвастаться и вызывать зависть. «Надеюсь, пройду в основной состав», — подумал я, но вслух не сказал.

— А я задела один луч, и со мной даже разговаривать не стали, — грустно произнесла пухлая симпатичная блондинка. — Сказали «спасибо за попытку» и отправили сюда.

— Ничего, подождем результатов, — успокаивала ее соседка, поглаживая по руке.

В комнате стояли автоматы с напитками, чаем и кофе. Мы коротали время за разговорами. Комната постепенно наполнялась другими претендентами. Кто-то входил расстроенный, кто-то радостный, а эмоции некоторых было невозможно прочесть.

На обед дали хот-доги и овощные салаты. Не густо, но голодным не останешься. Я поел с аппетитом.

Вошел Виктор. Я помахал ему. По лицу невозможно было понять, рад он или расстроен.

— Ну как? — спросил я.

— Сойдет. У тебя тоже лазеры были? Я их прошел. А когда попросили рассказать о себе, что-то замямлил... Так что даже не знаю.

— Да, лазеры у всех были. Думаю, все не так плохо.

Я наклонился к нему поближе и шепнул, чтобы никто не слышал:

— Тут мало кто прошел лучи. Так что твои шансы выше, чем у многих.

— Ага, круто, — он даже не улыбнулся.

А вот Гронни появился с улыбкой до ушей.

— О, парни, я задал им жару! Прогрел лазеры за две минуты! Вы бы видели лица судей! Они явно опешили. Думаю, место в основном составе мне обеспечено!

И снова захохотал.

День клонился к закату. Почти все претенденты прошли свои комиссии — значит, до объявления результатов оставалось совсем немного.

Я подумал о семье. Интересно, как они там без меня? Мама, наверное, плачет. Отец жутко злится. Представил маму на кухне — она тихонько плачет, чтобы сестры не видели и не расстраивались. Особенно Лина — она очень впечатлительная.

Прошло всего несколько дней, а я уже скучал по дому. Мне не хватало смеха сестренки. Даже Волка не хватало.

Чем они сейчас занимаются? Ужинают? Думают обо мне,

как я о них? Как хотелось оказаться рядом с ними. Чтобы мое путешествие в Новую Москву оказалось всего лишь очень реалистичным сном.

Я должен выиграть. Должен. Ради матери, отца, Лины и Кати.

Надеюсь, они все поймут, когда я вернусь. И простят меня...

В комнату заходили все новые и новые претенденты. Атмосфера становилась все более и более нервной. Даже Гронни стал смеяться не так громко и не так часто.

В комнату вошел последний, шестидесятый, претендент. Все участники собрались — значит, скоро решится наша судьба.

Я почти не переживал. Вроде показал себя неплохо. К тому же они знают, что я подопечный Фридриха.

Но все равно я с нетерпением ждал результатов...

Татьяна

Наступила ночь. Час истины настал.

Нас отвели в большой зал, и мы расселись по местам. Огромные золотые люстры заливали помещение теплым светом. Все — кресла, стены, пол — было выдержано в красно-золотых тонах. Выглядело помпезно, но чересчур вычурно. Аудитория, где мы проходили компьютерный тест, понравилась мне больше.

Я очень устала за этот долгий день. Сев в невероятно мягкое кресло, я сразу по нему растеклась, изо всех сил борясь

со сном. Зевнула.

Честно говоря, я думала, кастинг растянется минимум на неделю, а не на один день. Удивило и количество участников: я предполагала, что желающих сорвать куш будут тысячи, а пришло чуть больше ста человек, из которых сейчас осталось всего шестьдесят.

На сцену вышел Великолепный Джо. Его улыбка, как всегда, была широкой, а белоснежные зубы сияли, словно свежесвыпавший снег.

Я дотронулась до кулона — в надежде обрести спокойствие. Но сейчас это не помогло. Слишком велико было волнение.

Великолепный Джо слегка раздражал своим показушничеством. На мой взгляд, оно было излишним, по крайней мере сейчас.

— Друзья! — весьма неофициально обратился он к нам. — Весь день мы вас мучили, надоедали своими вопросами и испытаниями!

Он сделал паузу, надеясь, что мы посмеемся над шуткой. Смешки, если и были, то совсем слабые. Но ведущего это ничуть не смутило.

— Но сейчас все позади! Осталась самая последняя часть — последняя, но самая важная! Объявление итогов! Принесите мне свиток! — обратился он к помощнику, и тот поднес ему свернутый лист бумаги. — Я сам еще не знаю результатов отбора. Для меня это будет такой же неожиданностью,

как и для вас!

Он медленно снял ленту, перевязывавшую свиток, и неторопливо стал его разворачивать.

«Быстрее, разворачивай! Сколько можно томить ожиданием? Неужели нельзя сделать все быстрее?»

Наконец он раскрыл свиток и начал зачитывать имена.

— Первый участник — Белозар Драгоцветов!

Я вежливо похлопала. С заднего ряда встал радостный светловолосый парень с небольшой бородой и отправился на сцену к Великолепному Джо. Повсюду шныряли операторы с камерами, снимая счастливых и тех, кто все еще ждал.

— Следующее имя — Илария Гелия!

Илария. С ней я даже успела переброситься с ней парой слов. Она произвела на меня странное впечатление — будто у нее что-то не в порядке с головой. Но что ж, сейчас за нее можно порадоваться.

Оставалось еще двадцать два имени. Но каждый раз перед объявлением участника мое сердце замирало. Что, если меня вообще не назовут?

— Агиллат Катамов! — прозвучало имя третьего.

— Виктор Светозарный!

— Ортея Накамура! — пятая финалистка.

Радостные участники один за другим выходили на сцену. Великолепный Джо каждому пожимал руку и говорил поздравительные слова.

А тем временем мой шанс попасть на шоу с каждым но-

вым именем стремительно уменьшался. Теперь я сидела как на иголках, совершенно забыв про усталость. Если бы кто-то сейчас до меня дотронулся, я бы, наверное, подскочила — настолько сильно нервничала.

— Корнелий Скорте! — услышала я имя нового знакомого.

Честно говоря, я не понимала его мотивации. Зачем он сюда пришел? У него вроде все есть — деньги, семья. Зачем рисковать всем?

— Ингвар Йорт!

Финалистов на сцене становилось все больше. Аплодисменты — все реже и тише. А когда назвали пятнадцатое имя, люди в зале и вовсе перестали хлопать.

— Драгомир Баженов!

— Дейзи Митз!

Осталось всего шесть неназванных участников.

Кажется, я пролетела.

— Атари Уюмбе!

— Лотте Берийлу!

На сцену вышла хрупкая золотоволосая девушка, застенчиво поблагодарившая Джо.

Четыре имени. И Джо начнет называть резерв.

— Мои поздравления следующему счастливчику — Ферхелу Свону!

— Да-а-а! — громко закричал стройный длинноволосый парень.

Попасть в резерв — тоже неплохо, но это совсем другой уровень. И даже не факт, что из резерва можно перейти в основной состав.

За ним вызвали пухленькую девушку, затем еще одного парня.

Я заметила, что все участники, стоявшие на сцене, так или иначе привлекали к себе внимание — своей внешностью, манерами. У каждого была изюминка.

Например, Корнелий выделялся своим ростом — он был самым маленьким и тощим среди участников, у Ингвара были белые волосы и кожа, каких не было больше ни у кого, Агиллата и Дейзи и так все знали, Атари привлекал внимание своей коричневой кожей, у Ортеи был вид королевы.

И у всех остальных тоже была какая-то своя фишка.

А что я? Я была самой обычной девушкой. Во мне не было ничего особенного. Самый обычный русые волосы, самый обычный серые глаза, стандартное телосложение...

Но мне очень хотелось стоять там, на сцене, среди остальных финалистов.

Уже назвали имена двенадцати парней и одиннадцати девушек, а значит, сейчас ведущий должен был назвать женское имя. Последнее в списке.

Пожалуйста, пусть это буду я!

Я прижала руки к груди и затаила дыхание.

Хоть бы я, хоть бы я!

Джо сделал драматическую паузу.

— И наконец, с огромной радостью объявляю имя последнего участника нашего шоу! Члены жюри долго не могли договориться — брать эту девушку или другую. Но их решение вы услышите прямо сейчас!

— Итак, двадцать четвертым участником шоу «Лабиринт» становится...

Я с надеждой смотрела на Великолепного Джо. Он с неизменной улыбкой глядел в зал.

— Татьяна Соснова! — наконец прокричал он.

Я? Я правда смогла? Попала на шоу?

Окрыленная, я почти взбежала на сцену — принимать поздравления от ведущего. Мне не аплодировал никто, кроме других финалистов.

— Волнительно, не правда ли, когда тебя вызывают в самый последний момент? — сказал он, как только я поднялась на сцену.

— Ох, вы даже не представляете, как я переживала! — засмеялась я и пошла к остальным, оставляя позади претендентов, которым не повезло оказаться на сцене.

Еще двадцать из них станут резервистами. Остальным придется отправиться домой.

Спиной я чувствовала взгляды тех, кто не прошел. Они словно прожигали меня. Не хотелось даже думать, какими ругательствами они покрывают судей и нас. Но какое мне до этого дело? Я здесь, а они там.

Корнелий помахал мне рукой. Я улыбнулась в ответ.

Я встала на самый край сцены, в ряд с другими финалистами. Многие весело аплодировали друг другу. На лицах некоторых читалось неприкрытое удовольствие — вероятнее всего, от самих себя. Кое-кто стоял с каменными лицами.

Теперь я знаю своих соперников. У меня будет две недели, чтобы приглядеться к каждому и понять, что они из себя представляют. Узнаю, кого стоит опасаться, с кем можно дружить.

Но не сегодня. Я так устала. Нервное напряжение сказывалось. Сейчас мне больше всего хотелось завалиться в кровать и уснуть.

— Что ж, я поздравляю всех наших финалистов с успешным прохождением кастинга и зачислением в основной состав! — объявил Джо. — Но это еще не все! Как вы знаете, вместе с основным составом у нас есть дополнительный. Прежде мы говорили, что в него войдет двадцать человек. Но, посоветовавшись, мы решили принять двадцать два! И сейчас настала пора узнать, кто же сможет стать потенциальным участником шоу — если кто-то из основного состава передумает или не сможет принять участие в прохождении Лабиринта!

Я знала: я-то уж не сойду с дистанции. Точно дойду до конца. Ничто не помешает мне победить...

Как же я наивно мыслила!

Тогда никто из нас даже не предполагал, что шоу обернется настоящим кошмаром для всех нас.

Саная

Я была в полушаге от того, чтобы разрыдаться. Прямо при всех, прямо под объективами камер.

Я бросила все, что имела в своей жалкой и никчемной жизни, лишь бы попасть на шоу. Но и тут судьба зло надо мной посмеялась. Ничего хорошего у меня не было — и вряд ли будет.

Какой же наивной душой я была. С чего я вообще взяла, что у меня есть реальный шанс выиграть кучу денег? Да тут, наверное, все заранее решено — кого брать и кому отдавать приз.

Я совершенно не представляла, что теперь со мной будет. Куда податься? В Риверфол возвращаться нельзя — хозяин меня точно убьет за то, что сбежала. Да и осмелилась бы я подойти к нему? Наверное, нет. Он бы меня ни за что не отпустил. В Новой Москве я тоже вряд ли кому-то нужна. Перспектива стать попрошайкой меня вовсе не радовала.

Я смахнула навернувшуюся слезу.

У меня еще оставалась надежда — вдруг я каким-то чудом попаду в резерв.

Надо заметить, расстроена была не я одна. Финалисты на сцене и люди в зале представляли собой резкий контраст радости и разочарования. Обидно было оказаться на стороне отверженных и огорченных.

Каково же было мое удивление и восторг, когда мое имя назвали первым в списке запасного состава! Я опешила, ко-

гда Великолепный Джо выкрикнул: «Саная Лайт!» Смысл его слов дошел до меня не сразу. Но когда я наконец поняла, что стала участницей шоу — пусть и резервной, — настроение все-таки поднялось.

Значит, не все потеряно. Надежда еще оставалась.

Подумать только — я первая претендентка на замену той, кто захочет снять свою кандидатуру! Хоть бы такая нашлась.

Всех запасных объявили минут за пять. Торжественных поздравлений Джо нам не говорил.

После этого прошедших кастинг быстро распределили по комнатам, а отверженных отправили домой. У некоторых особенно огорченных взяли прощальное интервью. Основных финалистов тоже заставили дать короткое интервью, но на резервистов внимания почти не обращали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.